

Ясна Малицкая
Муха, Ваза и прочие Лошади

Сказки-метафоры

Ясна Малицкая

**Муха, Ваза и прочие
Лошади. Сказки-метафоры**

«Издательские решения»

Малицкая Я.

Муха, Ваза и прочие Лошади. Сказки-метафоры / Я. Малицкая —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-675371-6

Этот сборник — не просто волшебные истории, а глубокие психологические метафоры, рождённые из личного опыта и работы с людьми. Каждая сказка как зеркало, в котором женщина может увидеть свои страхи, мечты и внутренние конфликты, а затем понять себя, мягко и мудро переписать свой сюжет, чтобы стать увереннее в себе и немного счастливее. Эти сказки для тех, кто верит в силу внутренней трансформации и хочет найти ответы не в советах, а в исцеляющей силе метафор.

ISBN 978-5-00-675371-6

© Малицкая Я.
© Издательские решения

Содержание

Сказки-метафоры,	7
МЕНЯ БРОСИЛ МУЖ	7
НЕ СТУЧИТЬ В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ	8
МУХА	9
ЖЕНЩИНА-ВАЗА	10
ДОСТОЙНЫЙ МУЖЧИНА	12
ПОЛУДОХЛАЯ ЛОШАДЬ	13
МОЙ МЕДЛЕННЫЙ ВАЛЬС	14
ЯБЛОНЯ	15
ПРЕВРАЩЕНИЕ	17
ЖАСМИНОВЫЙ ДОЖДЬ	19
ТЕРПЕЛИВАЯ МАМИНА МУЗА	20
КЛЮЧ ОТ СЕРДЦА	22
ТЫКВЕННЫЙ ГНОМИК	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Муха, Ваза и прочие Лошади Сказки-метафоры

Ясна Малицкая

© Ясна Малицкая, 2025

ISBN 978-5-0067-5371-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогая моя милая девочка!

Ты держишь в руках эту книгу – значит, где-то внутри тебя сидит трудный вопрос. Может быть, тихий, почти неслышимый, не сформулированный или громкий, не заданный. Может быть, острый, кричащий, от которого ноет в груди. Или просто смутное ощущение, что в твоей жизни что-то не так... Погоди.

Значит, эти сказки для тебя. Для той частички тебя, которая до сих пор верит в чудо – не в фей и драконов, а в то, что жизнь может волшебным образом измениться. Ведь сказки – это не просто истории на ночь. Это древний язык души, который говорит с нами образами, а не нравоучениями. В них – правда, которую мы не всегда готовы принять напрямую, но можем легко распознать через метафору. В мире метафор можно примерить любую роль, увидеть свой страх или мечту со стороны – и решить, что с ними делать.

Открой любую историю – и, возможно, почувствуешь в ней себя. Ты ведь тоже так делаешь? Замечаешь в случайном разговоре свои мысли. В чужих глазах – свои слёзы. В посторонней истории – свою боль.

Поэтому читай не глазами. Читай сердцем. Если сказка зацепит – остановись. Если героиня покажется знакомой – присмотришься к ней внимательней. Если в горле встанет комок – прислушайся. Это твоя душа говорит с тобой через сказку.

Я не дам тебе умных советов. Не научу тебя жить, не скажу «будь сильной» или «отпусти». Я просто обниму и протяну тебе зеркало – ты сама увидишь в нём то, что готова увидеть. Что бы ты ни почувствовала в этот момент, просто знай, я буду рядом, чтобы обнять тебя снова. В добрый путь.

Твоя Ясна Малицкая

P.S. Если закроешь книгу и поймёшь, что стала чуть ближе, добрее и бережнее к себе – значит, у нас с тобой всё получилось.

Сказки-метафоры, стихи, зарисовки

Но сначала — немного о том, с чего всё начиналось...

МЕНЯ БРОСИЛ МУЖ

Я выпала из привычных условностей жизненной колеи на много мучительных дней, недель... даже месяцев... или... лет. Барахталась в небытии. И почти умерла – я не могла понять это точно. Разбилась дотла о привычный мне мир, утративший прочность. Сердце рвалось на тысячи лоскутов, я – лишившись оков, безвольно падала в глубокую чёрную пропасть.

Но вдруг поняла, что в пропасть я не хочу, расправила крылья и неожиданно для себя обнаружила, что лечу... Взмыла под облака. Испугалась. И вдруг как-то само собой осозналось, что я – по-прежнему я, не испортилась, не сломалась. И я у себя одна, и так было всегда, и со мной – без него – ничего плохого не случилось. Даже наоборот.

И что я хороша и мудра, что я ценна сама по себе, без него! Я могу хотеть много чего, могу петь, орать или выть, если тянет, могу смеяться, взлетать или падать пластом на диван и смотреть сериалы. Я могу собрать свои чувства и выстроить образы, которые оживут и отправятся в люди. Могу жить и творить безо всяких условностей и договоров. Потому что теперь я свободна, я сама себе и закон, и уют, и опора. Я есть. Я здесь. Я живу и дышу. Для себя. И всё это было со мной всегда! Вот счастье-то, да?

Завтра наведу марафет, куплю себе туфельки, платышко и конфеты. Чтобы порадовать в себе любимую милую девочку, так долго блуждавшую где-то. Без притворства, лжи или фальши буду стараться понять себя лучше и лететь к себе – выше и дальше...

А вот интересно, если бы он не бросил меня, разве я бы узнала, что у меня за спиной крылья были всегда?

Ведь пока мы летели вдвоём, махал крыльями он...

А не я.

НЕ СТУЧИСЬ В ЗАКРЫТУЮ ДВЕРЬ

Если больно, замри, не трать свои силы.
Постепенно угаснет, утихнет печаль.
Не стучись в закрытую дверь, ведь тебя не просили
Ни любить, ни поддерживать...
Хотя очень жаль.

Вдоволь плачь. Пусть от слёз затупятся осколки
Всех иллюзий твоих и напрасных надежд.
Пусть не кошки скребут на душе – воют волки,
Береги свою грусть от случайных невежд.
Не ропщи!

Улыбайся! Пой, пляши, как безумная вакха!
Жизнь не кончилась! Жизнь – началась!
Всё, к чему приросла, отпусти без остатка.
Всё, что дорого сердцу, пусти с молотка.
И забудь.

Дверь захлопнута. Лязгом спели засовы.
День вчерашний угас, растоптан в пыли.
Ничего не вернуть. Скинь на землю оковы.
Ничего не вернуть! Хоть плачь, хоть ори!
Уходи.

Всё пройдёт. Зарубцуются все твои раны,
Превратятся в дары на широкой ладони судьбы.
Не страшись, что пока горизонты туманны,
Есть сегодня, сейчас, и с тобой – только Ты.
Береги себя, девочка.
И в закрытую дверь – не стучи.

МУХА

Висит муха на паутине и рассуждает:

– Паук красивый, он сильный и добрый. Он мне условия создал – паутина у него такая мягкая, нежная. Липковата, но это всё мелочи, угол тёмный, но это всё ерунда, зато тепло и не дует. А со всем остальным я справлюсь – я же сильная, у меня же душа нараспашку, я всему дарю свет и любовь. Паук однажды увидит, какая я замечательная, вся из себя очень талантливая, полюбит меня, зауважает и сразу отпустит на волю – реализовываться и украшать собой мир.

Паук ползёт по своей паутине, смотрит на муху и думает: «Мелковата муха, пусть чуток пожирнеет, силы накопит. А я её пока, так и быть, есть не стану, наоборот, покормлю, чтобы не сдохла. Она мне ещё пригодится. Сама ведь пришла, я её не тащил.»

Муха сама с собой разговаривает:

– Вот все говорят: беги подобра-поздорову, а я не могу! Жалко мне паука. Вот уйду, будет плакать. А со мною он счастлив! Не говорит, но я-то знаю, что счастлив, по глазам его вижу, когда смотрит на меня из угла.

Захотелось пауку мушиной крови отведать, присосался он к мухе, насытился и ушёл. Осталась муха на паутине страдать. Висит ни жива, ни мертва, о своей жалкой доле печалится. Прилетает комар. Муха и давай ему жаловаться:

– Паук, негодяй, все соки из меня высосал!

– Так взяла бы и удрала! – говорит мухе комар.

– Ага! Чтобы он другую нашёл? Любовался бы ей, песни ей при луне сочинял?

– А что, он тобой любовался? Много песен тебе сочинил? – удивился комар.

– Мне-то нет, но это как раз и обидно! Я для него – всё, а он – даже песни не спел ни одной!

– Дура ты, муха! Беги от него, пока силы есть. Завтра придёт, только шкурку оставит.

– Сам дурак! Ничего ты не понимаешь! Я люблю его! Он без меня пропадёт! А я, я могу спасти его, вывести к свету! Он очнётся, увидит, как прекрасен весь мир, преобразится и сразу забудет, как пить мушиную кровь!

Полетал-полетал комар, позудел-позудел, да и вылетел в форточку. А муха снова принялась страдать и скучать по своему пауку.

ЖЕНЩИНА-ВАЗА

Жила-была на свете Женщина-Ваза. Она мечтала, чтобы в ней благоухали цветы, чтобы её до верху наполняли лучшими фруктами. Но время шло, Женщина-Ваза пылилась на полке, и никто не брал её к себе.

И вот однажды пришёл человек, который взял эту Вазу и положил в неё грязной картошки. Ваза вздохнула и согласилась. Пусть лучше картошка, чем одиночество, а уж она как-нибудь постарается сверкать всеми хрустальными гранями, чтобы показать, какая она прекрасная Ваза и достойна цветов, – думала она.

Но никто не замечал в ней хрусталя. В неё клали гвозди, кидали окурки и фантики от конфет. Ваза терпела, не прекращая надеяться, что однажды солнечный луч заиграет во всех её тонких гранях, и человек заметит, как она изящна и великолепна. Но время шло, грани тускнели, забивались въедливой пылью. Вазу били, роняли, за ней не ухаживали, оставляя плакать в пыли и отчаянии. А однажды её даже использовали вместо ночного горшка.

Женщина-Ваза не выдержала и ушла. Брела она, побитая, жалкая и несчастная, перебирая годы, прожитые в страданиях, оплакивая несбывшиеся мечты и пустые надежды, и вдруг увидела Женщину-Храм. Величественно и с достоинством шла Женщина-Храм, и все любовались её грациозной походкой, её статью и красотой. С мольбой упала перед ней на колени Женщина-Ваза:

– Помоги мне! Я не понимаю, за что со мной так? Почему я стала помойным ведром?

Женщина-Храм подняла её и сказала:

– Вспомни, родная, сколько раз ты предавала свою хрустальную суть?

– Но я надеялась, что однажды он увидит, что я прекрасная Ваза!

– Как грустно, что ради этого ты снова и снова соглашалась на гнилую картошку...

Женщина-Храм мягко взяла Женщину-Вазу за потрескавшиеся руки и подвела её к зеркалу:

– Посмотри на себя: даже с трещинами, даже побитая и вся в пыли, ты по-прежнему из хрусталя. Но ты забыла главное – хрустальные вазы не просят, чтобы их наполняли. Их выбирают бережно. И не каждому суждено стать обладателем хрусталя.

Она повела Женщину-Вазу к реке и велела омыть каждую грань. Речной песок отчистил вьевшуюся за годы грязь, вода смыла пыль, и солнечный луч заиграл в каждой трещинке.

– Какой ужас! Я совершенно, совершенно разбита! – Женщина-Ваза задрожала с хрустальным звоном и закрыла руками лицо.

– Трещины – это твоя история, а не изъян, они сверкают, как серебристые нити. Но если ты снова позволишь класть в себя что попало – ты сама предашь свою ценность.

– А что, если Он опять не увидит во мне хрупкую вазу?

– Кто должен сказать тебе про твою суть, чтобы ты в это поверила? Хрусталь не сверкает для тех, кто привык к ржавой консервной банке. Свет хрусталя сияет только для тех, кто готов его разглядеть, и ты не сможешь сиять для незрячих душой. Подумай об этом.

– А что, если я не найду того самого, кто увидит во мне хрустальную вазу? Ведь тогда я навсегда останусь пустой! Я не смогу исполнить своё предназначение!

– Вряд ли твоё предназначение быть помойным ведром. Пустая ваза лучше, чем наполненная мусором. Просто познай свою суть и пойми, чего ты действительно хочешь. Оставайся собой и увидишь, как мир повернётся к тебе сияющим светлым лицом.

Женщина-Ваза вернулась в город. Когда первый же знакомый протянул ей ржавые гвозди, она отшатнулась:

– Нет! – тихо сказала она, испугавшись собственной дерзости.

Но, вспомнив Женщину-Храм, сказала решительнее и громче:

– Я – хрусталь! Хранить твои гвозди я не хочу.

И, знаете что? Мир не рухнул. И она не разбилась. И знакомый просто пошёл себе дальше.

Сначала люди недоумевали: что случилось? Она зазналась? В ней разыгралась гордыня?

Потом удивлялись, какой сияющей, восхитительно прекрасной становилась Женщина-Ваза.

А однажды к ней подошёл молодой человек и протянул ей ромашку:

– Можно украсить вас этим цветком? Вы так красиво светитесь в лучах вечерней зари!

Ваза дрогнула, но Женщина-Храм, стоявшая за спиной, прошептала:

– Можно. Просто почувствуй, как это здорово, когда тебя украшает цветок!

Молодой человек ювелирно оправил трещины на её изящных боках в серебро, и теперь они блестят ещё ярче, чем тогда, когда она была целой. Теперь в ней живут только прекрасные розы. Иногда – самые свежие фрукты. И Женщина-Ваза, даже оставаясь пустой, слушает музыку внутри своих тонких граней. Она наслаждается тем, что сделана из хрусталя, наслаждается тишиной и покоем, принимает в себя только самое лучшее, чтобы с достоинством и величием нести в этот мир свою суть.

ДОСТОЙНЫЙ МУЖЧИНА

«Есть ли в природе достойный мужчина?
Где он? Во что одет?
Узнать бы имя сквозь дней пучину
Сквозь опыт ранящих лет,
Проведённых не с ним
С кем-то другим
Не родным...»
– Слышу стоны в сети интернет.

И дамы клянутся, что разведутся,
Бросят к ногам ЕГО
Борщи и котлеты,
Массаж, марафеты,
Ресницы, укладки
И в доме порядка
Только бы встретился «ТОТ»!

Но где он – тот самый
Мужчина Достойный?
Кто он? Во что одет?
Тот, за которым ей будет спокойно,
Счастливо множество лет?
Сыта и одета, стихами воспета,
Обласкана, обольщена,
Описана в прозе, любовью согрета
И всячески защищена...

Спасите тех дам! Помогите, найдите!
Им нужно его отыскать!
Параметры лучшие в поиск введите!
И уж тогда (вот здесь не ропщите!)
Постарайтесь, родные, не подведите,
Быть ему также под стать.

ПОЛУДОХЛАЯ ЛОШАДЬ

Жила-была сердобольная Женщина, и была у неё полудохлая Лошадь. Когда-то давно Лошадь была пободрее и клятвенно обещала Женщине отвезти её к светлому счастью. И Женщина очень надеялась. Но пока что Лошадь только лежала, вздыхала, жаловалась и ругала бедную Женщину. Но Женщина помнила про обещания, она верила и не могла бросить свою Лошадь в беде, поэтому продолжала за ней ухаживать.

«Как же так, – думала Женщина, – вот брошу мою полудохлую Лошадь, а она оживёт и уйдёт к светлому счастью одна, без меня! Или кто-то другой её подберёт, поднимет на ноги и поедет к светлому счастью! К тому же я столько сил в неё вгрозала, что мне просто жаль! А вдруг я недостаточно сильно стараюсь? Вдруг надо попробовать всю себя без остатка посвятить спасению Лошади, а я ещё недостаточно много вложила, чтобы её оживить? Надо ещё поднажать – витаминчики, там, процедуры, массаж! Я же верю, что Лошадь живая! Я ведь всем докажу, что я хорошая спасительница лошадей, особенно полудохлых! И когда я реанимирую эту Лошадь, она это оценит, и мы с ней вместе поскачем галопом к светлому счастью!»

И Женщина принималась с удвоенной силой поднимать полудохлую Лошадь, кормить-поить её, мыть и обхаживать. И не переставала верить и надеяться на скорое счастье. Иногда Женщина так уставала, что оставляла Лошадь одну и уходила поплакать. И засыпала. А когда просыпалась, то на свежую голову вдруг понимала, что Лошадь ей не спасти. Что Лошадь уже родилась полудохлой. Но почти сразу же спасительница начинала испытывать чувство вины: ведь была же она когда-то полуживая! Значит, это со мной она стала совсем полудохлой? Это чувство гнало её снова и снова пытаться поставить на ноги Лошадь, которая никак не вставала, а только ворчала, упрекала бедную женщину во всех смертных грехах и жаловалась на судьбу.

Но вот однажды Женщина настолько устала, что заболела сама. У неё просто не было сил ухаживать за своей Лошадью. Лошадь лежала-лежала, звала, ругалась, уговаривала и угрожала, стонала, обвиняя бедную женщину в бессердечии. Но у Женщины не было сил, чтобы подняться с постели... И Лошадь встала сама. Подошла к бочке с водой, напилась, пожевала травы и пошла к постели хозяйки справиться о здоровье, мол, как скоро ты снова начнёшь заботиться обо мне, а то, ведь, я так издохну? И когда мы уже, наконец, вместе поедим к светлому счастью? А?

И тут Женщина вдруг поняла, что уже много лет не живёт. Не живёт, не поёт, не радуется, не танцует! Вдруг оглянулась она на свою беспросветную жизнь и поняла, что все эти годы жила лишь иллюзией. Надеждой на мнимое счастье, к которому почему-то можно приехать только на этой вот Лошади!

И Женщина расхохоталась. Громко, безудержно, от души хохотала так звонко, что Лошадь взяла, да и сдохла. Совсем. А Женщина собрала узелок, закрыла свой дом на замок и отправилась к счастью. Пешком. А по дороге смотрела на мир, пела, дышала, исцеляла себя и внимательно слушала своё освобождённое сердце.

МОЙ МЕДЛЕННЫЙ ВАЛЬС

Внутри себя я танцую медленный вальс. Он меня кружит.

Снаружи вертится жизнь, меняются люди, соприкасаясь со мной глазами или ладонями.
Или сердцами.

Они со мной дружат. Или наоборот.

А я делаю па, поворот, удерживаю равновесие на кончиках пальцев, спускаюсь на новый виток скольжения по паркету и наслаждаюсь движением.

Замедлись, мгновение, не спеши.

Сердце – дыши!

Я то будто падаю, то взлетаю. Мои руки – изящные крылья. Я летаю. Внутри.

Музыка то нарастает, то снова стихает – раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три...

Нет веса, нет формы, нет времени – я и мелодия, тонкие звуки божественной музыки эхом вибрируют в каждой точке души.

Я проживаю будни снаружи. Играю важные роли, наполняю целями дни, куда-то бегу.
Но снова и снова погружаюсь в свой медленный вальс. Я его берегу.

Я танцую внутри. Раз, два, три! Раз, два, три! Раз, два, три...

ЯБЛОНЯ

В одном саду росла прекрасная Яблоня. Когда-то давно её маленькой семечкой принесла в клюве Синичка и защебетала:

– Я посажу тебя в плодородную землю! Тебе будет уютно и сытно! Твои яблоки будут самыми вкусными! А я буду прилетать к тебе, выклёвывать гусениц и угощаться плодами!

– Что ты! Что ты! – запротестовала семечка. – Мне хватит и того каменистого кусочка земли в тенистом углу! Пусть другие растения наслаждаются солнцем и влагой! И с гусеницами я сама как-нибудь справлюсь. А яблоки я и так тебе вкусные выращу.

– Ну, как скажешь! – чирикнула Синичка, воткнула семечку в землю и улетела.

Яблоня выросла. Ей было трудно в тени, но она пробивалась. Воды не хватало, но она старалась тянуть живительные соки из каменистой земли, с огромным трудом добывая себе пропитание. Её ветви вопреки всему стали сильными, листья – зелёными, а яблоки кое-как вызревали. Каждое лето Яблоня отдавала плоды всем, кто проходил мимо. Путники, птицы, звери – все находили у неё и приют, и угощение. Яблоня была счастлива приносить радость другим, хотя сама при этом невероятно страдала.

Но со временем сил становилось всё меньше. Корни упёрлись в камни, ветвям не хватало света, а ствол покрылся паршой. Всё больше гусениц забиралось на Яблоню и точили некогда прекрасные плоды. Яблоня думала: «Ну что ж, главное – чтобы другим было хорошо, а я как-нибудь справлюсь». Она продолжала всё отдавать, даже когда её листья желтели, а яблоки становились мелкими и кислыми. Непогода ломала хрупкие ветки. Звери и птицы перестали селиться в её кроне, люди больше не приходили – плоды стали невкусными.

«Неблагодарные! – с тоской думала Яблоня, будто слёзки роняя сухие листочки. – Я готова всю себя отдавать, чтобы им было хорошо, а они этого совершенно не ценят! Никому-то я теперь не нужна. Наверное, я действительно недостойна внимания и любви...»

И только Синичка продолжала прилетать и проведывать Яблоню. Однажды она всерьёз забеспокоилась о подруге и прошебетала:

– Ты плохо выглядишь, давай я приведу к тебе старого садовника, тебе нужен уход!

– Что ты! Что ты! – замахала на неё Яблоня ветками. – Я не хочу привлекать к себе так много внимания!

– Ну, как знаешь! – щебетнула Синичка и упорхнула.

Но старый садовник сам заглянул в заброшенный угол сада и увидел её.

– Эх-хе-хе! Как здесь всё запущено! Яблоня, вон, едва живая! Но я же помню, что у неё были очень вкусные яблоки! Надо бы её пересадить, – решил он и пошёл за лопатой.

– О, нет-нет, не стоит беспокоиться обо мне, со мной всё в порядке! – зашелестела ветками Яблоня.

– Почему ты не позволяешь заботиться о себе? Твои листья желтеют, кора потрескалась, а плоды стали невкусными.

– Ох, заботиться о себе... это как-то эгоистично, – прошелестела ветками Яблоня.

– Но как ты сможешь давать вкусные плоды, если сама истощена? – удивился садовник. – Твои яблоки стали кислыми, и никто больше не хочет их есть.

Яблоня с тоской опустила ветви. Садовник взял лейку и начал поливать её. Но Яблоня зашелестела:

– Нет, не надо! Я не заслуживаю такой заботы. Лучше полей другие деревья.

Садовник не стал её слушать. Он принёс лопату, окопал вокруг ствола землю, освободил её от камней, привёз удобрений, убрал колючий кустарник, который забирал у Яблони солнце. Яблоня только вздохала и охала, но садовник делал то, что считал нужным.

– Если ты не позволишь мне позаботиться о тебе, твои плоды так и останутся кислыми, и ты никому не сможешь приносить пользу. Разве только червям. И тогда – не обижайся – мне придётся срубить тебя и посадить новое дерево.

Яблоня испугалась. Задумалась. Она вдруг поняла, что без заботы о себе не сможет дарить другим то, что им нужно. Она позволила садовнику ухаживать за ней и начала оживать, хорошеть и выравниваться. Её листья снова стали зелёными, кора – крепкой, а плоды – ещё слаще, чем прежде.

Однажды Яблоня спросила садовника:

– Ты ухаживаешь за мной потому, что тебе нужны мои яблоки?

– Да, – честно ответил садовник. – Но это не делает тебя менее ценной, когда яблок нет. Ты – часть этого сада. Мне нравится любоваться тобой, когда ты цветёшь, мне нравится слушать пение птиц в твоих сильных ветвях, я люблю твои плоды. Но чтобы они были вкусными, ты должна быть здоровой и сильной.

С тех пор Яблоня научилась не только отдавать, но и заботиться о себе, и принимать чужую заботу. Она поняла, что любить себя – это не эгоизм, а необходимость. И её плоды стали не только вкуснее, но и намного полезнее, потому что теперь она была полна сил и света. Она радовалась себе, любовалась собой, с удовольствием наполнялась солнцем и силой земли, чтобы исполнять своё главное предназначение – быть Яблоней! Ведь только любовь к себе даёт силы расцвести по весне.

ПРЕВРАЩЕНИЕ

Жила-была симпатичная Гусеница. Она была достаточно взрослая, умная, рассудительная и понимала, что её основная задача – много и разнообразно питаться. Гусеница старательно ела всё, что ей нравилось, а какую-то интересную и нужную пищу оставляла в домике про запас – длинными пасмурными вечерами можно будет и за неё приняться с большим аппетитом. Гусеница была счастлива. Жизнь удалась, пищи вдоволь, она красива и очень упитанна, все подружки её уважают и даже завидуют.

Но вот однажды Гусеницу посетила ужасная мысль: а что, если весь смысл жизни только и заключается в том, чтобы есть? И больше ничего другого ей в жизни не светит? Гусеница принялась судорожно размышлять, вспоминать, что она такого ядовитого съела, что ей вдруг стало так плохо. Она поделилась мыслями с подружками, но те лишь с насмешками отмахнулись, мол, не дури, все просто едят, это наше предназначение, вот и живи себе в удовольствии, не выпендривайся, не отравляй себе жизнь, а то накличешь несчастья на свою голову!

У Гусеницы наступили трудные времена, её терзали сомнения. Почему со мной что-то не так? Я не такая как все? За что мне такая судьба? Как раньше жить – тошно, а как бывает иначе – неведомо. Да и страшно, вдруг и вправду несчастья накличу? – думала Гусеница и не находила ответов. Ей казалось, что жизнь дала трещину, и весь уютный, солнечный, сытый мир вот-вот развалится. Ей не хотелось ни есть, ни пить, ни передвигаться. Она побледнела, утратила былую расцветку и форму, начала сторониться подруг. Единственное, что теперь ей хотелось – тишины и покоя. И чтобы никто не мешал ей страдать и думать о жизни. Гусеница стала угрюмой, неразговорчивой, дрожала от холода и думала, что совсем умирает.

И в какой-то момент Гусеница заметила, что на её теле образовалась красивая тонкая нить. Что это? Спасение? Ну конечно же! Я согреюсь, посплю, и беды отступят. Она принялась старательно обматываться шёлковой нитью, чтобы занять себя делом и отогнать чёрные мысли. Это так её увлекло, что Гусеница повеселела и уже совершенно спокойно думала о том, что если уж суждено умереть, то пусть это будет в тепле, темноте и комфорте. Обмотавшись как следует, Гусеница отогнала грустные мысли и ненадолго уснула. Как же это было приятно! Со всех сторон её обнимал нежный кокон, в нём было спокойно и безопасно. Ей снились зелёные листья, свежий солнечный ветер, который делал её невесомой, и ароматы цветов...

Как цветов? Зачем ей цветы? Это же не питательно!!!

Гусеница внезапно проснулась. Ей стало тесно, душно, темно и панически страшно. Где я? Что происходит? Сколько времени я спала? – металась в её голове тревожные мысли. Где-то снаружи жужжала, гремела и суетилась внешняя жизнь, а Гусеница, сжатая темнотой, размышляла о тяжкой судьбе, о своём предназначении, о том, что, скорее всего, пока вокруг всё живёт, цветёт и развивается, она – такая красивая, умная и талантливая – обречена на нелепое прозябание. А, впрочем, стоп! Почему это я должна прозябать? Кто сказал, что мне надо погибнуть? У меня же есть лапки, глазки и усики! У меня есть красивое гибкое тело! И раз снаружи что-то жужжит, значит, там что-то есть! – подумала Гусеница и ей стало невыносимо.

– Нет! Нет! Я так не хочу!!! Хочу жить! Пусть я погибну в неизведанном мире, но оставаться в этой тьме я больше не собираюсь! – крикнула Гусеница и задёргалась всем телом. Тщетно.

Внутри кокона сразу стало совершенно несносно. Ей давило и натирало абсолютно везде, а на спине жутко свербилло. Мир снова трещал и стремительно рушился. Снова было страшно от неопределённости, снова были мысли, что случится что-то ужасное, что она умирает, а это – последняя агония и конец. Но теперь это было неважно. Гусеницу распирало желание выбраться из тесноты и хотя бы в последний раз вдохнуть свежего ветра.

Крышка кокона откинулась в сторону, и свет ударил Гусенице по глазам. Она замерла в нерешительности. Что дальше? Назад пути нет. Медленно, осторожно расправляя затёкшие лапки, она выбралась на край кокона и осмотрелась. Прежний мир изменился. Теперь он был ярче, шире, огромнее. На неё обрушилось бездонное синее небо, разноцветный, пышущий красками луг манил одуряющими ароматами, ветер звал ввысь. Но как теперь жить? Всё то, к чему я привыкла, теперь не подходит! – думала Гусеница, дрожа от волнения и согреваясь под ласковым солнышком. Мимо неё, грациозно взмахивая крылышками, пролетело яркое создание, поманило лететь за собой. Гусеница вжалась в листок, на котором сидела, и с удивлением разглядела у себя длинные усики, сам собой раскрылся и снова скрутился в спираль хоботок, лапки стали длиннее и более цепкими, она с наслаждением потопталась по стеблю цветка и перебралась на солнечный край. В животе заурчало от голода. На спине что-то сильно мешалось...

В этот момент кто-то грузный с жужжанием налетел на неё и сшиб со стебля цветка.

– Вот нахал! – взвизгнула Гусеница, но вместо того, чтобы рухнуть вниз, как раньше, когда приходилось упасть с листьев в траву, она вдруг почувствовала силу ветра, с лёгкостью подхватившего её невесомое тело! Она взлетала! За спиной развернулись широкие крылья! О, боже мой, как они были прекрасны! Неужели это мои? Я лечу? Все страхи были напрасны??? И кто я теперь?

Бабочка взмахивала крыльями, с удовольствием отмечая их красоту, ловила потоки воздуха, чтобы передохнуть и отдышаться от нахлынувших чувств. Всё было не зря. Все страдания были на пользу. Внизу, в траве, Бабочка разглядела вчерашних подруг. Они не смотрели наверх, они занимались тем же, чем прежде: ели впрок, даже не подозревая, какие чудесные превращения ждут их всех впереди.

А Бабочка поднималась всё выше и выше. Весь мир теперь был открыт для неё, цветы распахивали лепестки, маня душистым нектаром, ветер подхватывал, чтобы кружить и нести в любом направлении за горизонт. Ещё недавно она была Гусеницей и боялась всего, но теперь она Бабочка и имеет право стать безгранично счастливой! О, да, это стоит того, чтобы побороть свои страхи и выбраться из тесного кокона!

ЖАСМИНОВЫЙ ДОЖДЬ

А у нас во дворе – жасминовый дождь.
Вы знали, такое бывает?
Когда огромные белые капли
медленно падают вниз.
Или даже взлетают.

А у нас возле дома – жасминовый снег.
Это только летом бывает.
Душистыми хлопьями
Кружится вниз.
И не тает.

А у нас повсюду – жасминовый дух.
С ветром в окна влетает.
Белый, свежий жасминовый пух
Кружит голову,
Отцветает.
Как жаль...
Прощается с нами.
Но с новым летом вернётся опять.
Обещает.

ТЕРПЕЛИВАЯ МАМИНА МУЗА

Терпеливая мамина Муза сидела высоко на карнизе и, поджав к подбородку коленки, тихонько вздыхала. Идея у мамы была интересная. Тема такая – глубокая, нужная. И уже вырисовывался яркий сюжет. На всякий случай мама никогда не выключала компьютер. Но... как это обычно у мамы бывает...

– Мам, мам, иди сюда, мне надо с рисунком помочь!

– Мам, мам, в этой дурацкой задаче ничего не понятно!

– Мам, мам, я хатьсю Тсебуласку! И яблочко. Полезанное. На синей талелочке.

– Сейчас, сейчас, уже иду, иду! – сказала мама, громыхая посудой. – Девочки, почитайте Чебурашку младшей сестре!

– Нет, я хатьсю, стобы мама! – закапризничала малышка.

– Понятно. Сейчас, милая, только со стола уберу, посуду домою, развешу бельё, собак покормлю и будем читать. Маша, ты доделала геометрию? Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов. Что? Такое не катит? Ну, ладно, тогда сама разбирайся. Даша, портфель собрала? Девочки, когда же у вас на столах воцарится порядок??? Разберитесь кто что наденет уже сегодня, чтобы утром не нервировать папу!

– Мам! Ну иди узе книску тситать!

– Сейчас, сейчас.

– Мам, собаку на веранде стошнило. Папа придёт, будет орать.

– Мам, я галсок оплакинула. А-а-а-а! Я сидела, сидела, и он к попе прилип...

– Мам, она мой рисунок испортила!!!

– Так, быстро всем спать! Завтра рано вставать! Я сама тут всё уберу. Боже, этот день никогда не закончится!

Так, посуда, еда... геометрия... Ой, сыну же надо позвонить, помочь с дипломной работой по физике... Так, рыбки, черепашка... Чебурашка!.. Уснула?

Ага, отлично, быстрее за компьютер... на чём я остановилась? Так, они подружились, сходили в лес, встретили Непонятногого, расшифровали послание...

В прихожей хлопнула дверь. Послышался голос:

– Солнышко, я уже дома! Почему никто не встречает?

– Тише ты, девочки только уснули. Привет. Уф-ф-ф, ну и денёк!

– Да, день у меня сегодня на редкость! Столько всего! Расскажу.

– Садись, дорогой, всё готово. Тебе чай сразу налить? Попозже? Хорошо.

– Ты только в компьютер не утыкайся, я вообще-то хотел с тобой что-то важное обсудить...

– Да-да, сейчас. Понимаешь, мне надо мысль одну дописать, я её целый день в голове держу, боюсь потерять... сейчас, да, угу... «Ёжик удили рыбу в предрассветной мгле...» нет, чушь какая-то... – Муза, Музочка, помоги, дорогая! Я же так чётко видела картинку пока мыла посуду!

– Жена, я иду спать. Жду тебя. Слышишь?

– Да, дорогой, ложись, я сейчас... сейчас... умоюсь, зубы почищу... мысль допишу...

Экран неудержимо расплывался у мамы перед глазами. Терпеливая мамина Муза пригладила прядь её непослушных волос, нежно, как будто сквозь сон, прошептала:

– Не волнуйся, моя дорогая, поспи, я приду к тебе снова и снова столько раз, сколько тебе будет нужно. Ведь главная книга, которую ты пишешь – вот она – твоя жизнь. Пой, танцуй,

улыбайся, обнимай любимых детей, балуй мужа вниманием. И просто живи в том волшебном, загадочном мире, который в тебе. Дети вырастут, и ты обязательно всем обо всём всё расскажешь. Держи своё сердце открытым, вбирай в себя жизнь во всех её мелочах, и – я тебе обещаю – мы с тобой ещё не раз, много раз, обязательно встретимся.

КЛЮЧ ОТ СЕРДЦА

Дина рыдала в подушку. Когда тучи в голове немного рассеивались, а всхлипы стихали, Дина утирала покрасневшие глаза и смотрела в окно, за которым качались от ветра деревья, птицы скакали с ветки на ветку в будничной суете, порхали бабочки, бельё хлопало на верёвках. Потом Дина вспоминала, как она глубоко несчастна и снова принималась дубасить подушку и плакать.

Но тут случилось что-то не совсем обыкновенное, вернее, совершенно необыкновенное. Затрещали тонкие крылышки, и через открытую форточку влетела фея Медина. Она поморщилась, придирчиво осмотрела рыдающую, хмыкнула, пухлой ручкой поправила чёлку и уселась на подоконник, поверх стопки книг. Полюбовавшись на свой безупречный алый маникюр и кольца со сверкающими камнями, фея подняла на Дину глаза.

– Кхм, кхм! – настойчиво покашляла крошка и постучала по книжке волшебной палочкой, – Ну, и чего мы ревём?

Дина резко подобралась, пошарила глазами вокруг. Ей, конечно, почудилось, хотя голос звучал совершенно отчётливо.

– Кто здесь? Кто... а? – в её огромных глазах отразился испуг. Дина открыла рот, сию секунду сказать, но только хватала им воздух, продолжая судорожно всхлипывать.

Феечка махнула рукой и поморщилась:

– Ой, да не бойсь ты! Это же я! – сказала маленькая фея покачивая упитанной ножкой в красной туфельке с бантиком.

– К-к-кто э-это «я»? – Дина всматривалась в сторону голоса, но не могла понять: то ли проплакала все глаза, то ли ей это снится. Иллюстрация на книге расплывалась и двигалась, пока не превратилась в...

– Э-э-э, ну, так не пойдёт! Давай, вытирай свои слёзы, а то меня не увидишь, – тётенька в красном так лихо взмахивала палочкой, будто перед ней сидел симфонический оркестр. – И шо тут бояться? Вон, сердце стучит как антикварный будильник. Фею никогда не видала? Медина, – представилась она. – Мне тоже очень приятно. Учусь на этого, как там у вас называется, ну, по душевным вопросам.

Дина протёрла глаза, и брови полезли на лоб. Перед ней, качая ножкой, сидела крошечная толстая тётенька, до треска обтянутая ярко-красным платьем с воланами, и любовалась своим маникюром. Тонкие крылышки трепетали у неё за спиной, отражая красный бант ниже талии.

– Ну, и о чём наши слёзки? – участливо, как ребёнка спросила Медина, заморгал накладными ресницами под густыми тенями. Лицо расплылось в помадной улыбке.

– Я... я самая несчастная! Никто меня не понимает! – как под гипнозом промямлила Дина. – И... не любит... – против своей воли добавила она. Дина уже не была так уверена в этих словах.

– Ах, как я тебя понимаю, моя дорогая! – феечка легко поднялась на крылышках и, картинно поджав ножки, перелетела на кровать. Затем скинула туфли и пошла, балансируя, по неровностям одеяла, то подлетая, то неуклюже барахтаясь в складках.

Дина икала и смотрела во все глаза, как к ней приближается красная тётя. На всякий случай, девушка вжалась в стену и загородилась подушкой. Фея провалилась в складку одеяла и, отдуваясь, выбралась на поверхность. Выбившись из сил, Медина протянула девушке руку:

– Диночка, ты мне не поможешь?

Дина отцепилась от мокрой подушки, протянула Медине ладонь. Та взобралась, отдуваясь и охая, уселась, как можно изящнее скрестив ноги. Дина поднесла ладонь ближе к глазам.

– Ну, валяй, рассказывай! – взмахнула у неё перед лицом палочкой фея.

– О чём?

– Кто виноват? Какой негодяй мою девочку обижал?

Дина наморщила лоб, собралась было снова заплакать, но спохватилась и не очень уверенным голосом произнесла:

– Во-первых, родители. Неправильно воспитали! Не научили французскому, недолюбили, внимания недодали! Вон, у других в детстве: с папой – в кино, с мамой – в музей. А я? Сама по себе росла, ну прям как сорняк! Не детство, а сплошная никомуненужность!

Фея придвинулась ближе, свесила ноги, внимательно слушая Дину.

– Во-вторых, фигура плохая! Вон, у Катьки Семёновой – как у модели! Почему у меня не такая? Ноги худющие, попы нет, плечи торчат. Мне скоро тридцать, а я всё как мальчик!

Медина вспыхнула, хотела заспорить, но вовремя прикусила язык, понимающе улыбнулась.

– В-третьих, муж недостаточно ценит. Всё воспитывает, никак не хочет понять... – Дина так увлеклась своей бурей эмоций, что чуть не скинула фею. Та затрещала блестящими крыльями и приземлилась на виновато подставленную ладонь.

– Ой, простите. Я не специально.

– Пустяки. А в-четвёртых? – миролюбиво продолжила фея.

– Дом слишком маленький! Ну как в таком доме можно жить, да ещё и с детьми?

– В-пятых, дети не слушаются. Вон, у других, дети как дети, а у меня? За что мне такое? Вчера весь дом вверх тормашками после игр. И хоть бы убрали! Сил нет орать. И вообще... вообще ни на что нету сил, понимаете?

– Ох, понимаю. Хочешь конфетку? – Медина уже развернула перед ней лучистую карамель.

Дина послушно взяла, сунула в рот, и улыбка детского счастья пронизала насквозь. Нотки задорного апельсина искрами газировки лопались на языке. Она глотала их, и беззаботная лёгкая радость наполняла ей сердце.

– Немного солнышка не помешает! – лукаво подмигнула тётушка в красном и продолжала:

– Вот теперь я смогу немного помочь. Ведь всё не так страшно, не правда ли, моя дорогая? Твоё сердце с годами повесило на себя пудовый замок из обид и претензий. Раньше ты их прощала, избавлялась и забывала, а потом перестала, стала копить. Привыкнув к тяжести, ключ от замка ты потеряла. Ну-ка, вспомни, где он лежит? – сказала Медина, взмахнув палочкой.

Дина откинулась на подушку, закрыла глаза. Она увидела маму. Уходя на работу, мама присела на корточки перед маленькой Диной. Зимний запах от воротника, в него хочется уткнуться лицом и никуда не пускать. Но маме надо работать. На золотистой верёвочке ключ. Она вешает ключик Дине на шею, целует и поспешно уходит. А Дина рисует, читает, смотрит фотоальбомы... готовит нехитрый обед, кормит себя, кошку и кукол, потом одевается и уходит гулять. И очень гордится тем, что ей доверяют. Она ведь большая. И в свои годы умеет больше, чем многие сверстницы.

Очнувшись, Дина вдруг ощутила, что на спине ей что-то мешает. Села. На шее какая-то тяжесть. Что это? Это не сон? Потянула за верёвочку и перекинула на ладонь старинный ключик из детства. Медина с лукавой улыбкой смотрела на Дину, которая разглядывала свой ключ будто впервые.

– Погоди-ка, тут что-то написано. Бла-го-дар-ность! – Дина застыла, раскрыв от удивления рот. Так вот он – ключ от замка! Ну-ка, ну-ка, попробую вставить.

Железный замок заскрипел, сопротивляясь. «Я смогу. Я исправлю. Я сниму эту тяжесть с себя...» – стиснув зубы думала Дина. Один поворот и в мыслях случилась огромная перемена. Словно тёплой волной захлестнуло сердце девушки.

– О, боже, как это здорово, что однажды я родилась! Мама, папа, я понимаю, как вам было трудно всё время работать, не видеть, как я расту, уставать, выбиваться из сил, чтобы я ни в чём не нуждалась! Благодарю! Я вижу, как многому вы меня научили, как много мне дали! Больше, чем я могла себе даже представить!

Ключ ещё чуть-чуть повернулся.

– Как хорошо, что у меня здоровое тело! Правда! Я могу бегать, прыгать и танцевать! Это так здорово! Благодарю!

Ключик вертелся всё легче, сердце раскрывалось и сквозь щели проливалось сияние:

– Муж, дорогой, какое счастье – ты рядом, мы вместе, ты меня любишь! Как же я благодарна тебе за всё, что ты делаешь для меня и для нас!

– Мой дом. Какой он уютный и тёплый! Как много значит для всей нашей семьи! О, домик, родной, как я тебе благодарна! В этих стенах случилось так много радостных, счастливых событий!

Ключ в замке, будто смазанном после забвенья, поворачивался всё быстрее.

– Дети, какое счастье, что я могу вас держать на руках, гладить вихры и косички, умиляться, ласкать, читать вместе книжки, открывать для вас мир!

Слёзы радости затуманили взгляд. Хлопнула дверь, в доме вдруг стало шумно. Дина вскочила с постели, вытерла лицо,правила волосы.

– Ну, где там наша мамуля? Как ты, родная? А что мы тебе принесли!

– Мама, мама, смотри, что папа купил! – детский гомон ворвался, заполнил весь дом.

– Цветы? Это... мне? Как здорово пахнут... – Дина подняла на мужа глаза.

Он прижал её, не давая прорваться слезам, погладил по волосам. Дина вдруг поняла, что вот это всё она не ценила. Отворачивалась. Закрывала себя на замок.

– Благодарю тебя, благодарю! – прошептала Дина, ища глазами Медину.

– Смотри у меня! Ключик не потеряй, я проверю! – фея погрозила ей пухленьким пальцем, послала воздушный поцелуй, прошелестела крыльями и улетела в открытую форточку.

ТЫКВЕННЫЙ ГНОМИК

Жил-был на свете тыквенный гномик. Он зародился в маленькой тыковке и рос вместе с ней. Тыковка пела ему нежные песни, баюкала, наливаясь боками. А гномик трудился, раздвигая тыковку ножками, чтобы ей было лучше расти. И гномик мечтал, что станет большим-пребольшим и вырастит самую большую тыкву на свете. И он устроит в ней домик и будет в нём жить, по вечерам пить чай с видом на осень и петь оранжевые песни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.